Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Филологический факультет

Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова

✧

Под редакцией В. П. Гудкова

Диалог МГУ

Москва

1998

Ф. Б. ЛЮДОГОВСКИЙ, С. С. СКОРВИД

И ИЖЕ СЪ НИМИ*

I

В данной статье анализируется одно из специфических явлений церковнославянского синтаксиса, представляющее немалый интерес в сравнительно-историческом и типологическом отношениях: употребление конструкций с относительным местоимением **и҆́же**, соответствующих греческим конструкциям с артиклем.

Мы исходим из рассмотрения состояния в современном (русско-) церковнославянском языке (СЦСЯ), под которым понимается язык богослужебных книг или, шире, текстов, используемых ныне в Русской Православной Церкви. Необходимо отметить, что корпус этих книг весьма разнороден. Включающий, с одной стороны, веками лишь воспроизводимые традиционные тексты, а с другой — тексты, созданные и создаваемые заново, он демонстрирует довольно значительное варьирование нормы церковнославянского языка. Предпринимаемое исследование опирается на наиболее авторитетные тексты, показательные с точки зрения действующей ныне нормы. Это библейские книги, прежде всего Новый Завет (причем четий вариант, так как служебный текст Евангелия и Апостола отражает устаревшую норму) и Псалтирь, а также Требник, Служебник, самые употребительные молитвы, тропари, кондаки и т. п.[1] Привлекаются и оригинальные церковнославянские акафисты, не имеющие греческого оригинала.

Конструкции с **и҆́же**, соответствующим греческому артиклю, были унаследованы церковнославянским языком от предшествующей традиции, восходящей к старославянскому периоду. На старославянском материале данные конструкции рассматривались уже многими исследователями. Наиболее обстоятельно, с подробным обозрением литературы вопроса, их функционирование, богато документированное извлечениями из старославянских памятников, осветил Й. Курц в статье "Синтаксис "артикля" **иже** в старославянском языке" [**6**]. Автор выделяет несколько случаев устойчивого употребления этих конструкций в старославянском

---

* Вклад авторов в написание настоящей статьи и их ответственность за содержащиеся в ней выводы распределяются следующим образом: раздел I принадлежит Ф. Б. Людоговскому, раздел II — С. С. Скорвиду.

и доказывает, что хотя они и возникли под влиянием греческих с артиклем, первоначально местоимение **иже** использовалось в них не механически, а целенаправленно, при смысловом подчеркивании вводимого таким образом элемента предложения; позже, по мнению ученого, подобные конструкции превратились в клише, рабски копирующие греческую модель.

Церковнославянский материал, однако, с выводами Й. Курца согласуется лишь отчасти. **Ѝже**, соответствующее греческому артиклю, выступает в СЦСЯ, с одной стороны, перед некоторыми типами присубстантивных определений, а с другой — при субстантивации (в широком смысле) словоформ, словосочетаний и даже целых предложений. Рассмотрим эти случаи подробнее.

Известно, что в церковнославянском языке (как это было и в старославянском) согласованным определениям отдается предпочтение перед несогласованными. Это проявляется в частности в том, что согласованными определениями здесь часто заменяются греческие несогласованные. Если же по какой-либо причине несогласованный характер определения сохраняется, употребляющийся перед ним в греческом тексте артикль обычно передается лексемой **и҆́же**, напр.: ἰδὼν εἶδον τὴν κάκωσιν τοῦ λαοῦ μου τοῦ ἐν Αἰγύπτῳ — **ви́дѣ ви́дѣхъ ѡ҆ѕлобле́нїе люде́й мои́хъ и҆̀же во е҆гѵ́птѣ** (Деян 7:34); σήμερον ... τοῦ ἀπ᾽αἰῶνος μυστηρίου ἡ φανέρωσις — **дне́сь ... е҆́же ѿ вѣ́ка та́инства ꙗ҆вле́нїе** (тропарь Благовещения, ГСХ 65), τὴν ψυχὴν τοῦ δούλου σου Σῶτερ ἀνάπαυσον, φυλάττων αὐτήν εἰς τὴν μακαρίαν ξωὴν, τὴν παρὰ σοῦ φιλάνθρωπε (Εὐχ. 394) — **дꙋ́шы ра́бъ твои́хъ, сп҃се, ᲂу҆поко́й, сохраня́ѧ и҆̀хъ во бл҃женнѣ́й жизни, ꙗ҆̀же ᲂу҆ тебѐ, чл҃овѣколю́бче** (Тр. 220).

Из примеров видно, что церковнославянское **и҆́же**, в отличие от греческого артикля, согласуется с определяемым существительным лишь по роду и числу, но не по падежу. Впрочем, о. Алипий (Гаманович) в своей "Грамматике церковнославянского языка" приводит в качестве характерного пример с согласованием **и҆́же** также в падеже: **Мѡѷсе́й бо пи́шетъ пра́вдꙋ, ю҆́же ѿ зако́на** (Рим 10:5) [1, 167, 216] — греч. Μωϋσῆς γὰρ γράφει τὴν δικαιοσύνην, τὴν ἐκ τοῦ νόμου. Однако анализ текстов показывает, что подобные случаи относительно редки. Напротив, встречаются конструкции с вовсе не согласуемым, "застывшим" в форме среднего рода единственного числа **е҆́же**, напр.: μνησθέντες μου οὖν ἀγαπητοὶ, τῆς πρὸς ὑμᾶς ὁμιλίας, μνείαν ποιεῖσθέ μου (Εὐχ. 391) — **помѧнꙋ́вше ᲂу҆̀бо возлю́бленїи, е҆́же къ ва́мъ моеѧ̀ бесѣ́ды, па́мѧть твори́те мнѣ̀** (Тр. 157). Создается впечатление, что ранее такие конструкции были более частотны, а при исправлении церковнославянских

текстов здесь иногда "восстанавливалось" согласование по греческому образцу. Так, в дониконовском Октоихе находим: **побѣдꙋ и҆мѣ́й хрⷭ҇тѐ ѥ҆́же на а҆́да, на крⷭ҇тъ возше́лъ є҆сѝ** (Глас 5, стихиры на "Господи воззвах"); в современном же Октоихе на этом месте читается **ю҆́же на а҆́да** (Окт. 170).

Таким образом, в СЦСЯ происходит адаптация греческой модели — следует полагать, под влиянием какой-то более естественной славянской. Опорой для этой адаптации могли послужить атрибутивные придаточные предложения с союзным словом **и҆́же**. Собственно, определения в приведенных выше примерах вполне допустимо рассматривать как придаточные предложения с нулевой формой глагола-связки. Это предположение подтверждают случаи замены греческого несогласованного определения с артиклем церковнославянским придаточным предложением с ненулевой связкой. Так, идентичные в структурном отношении греческие конструкции Ἰωσὴφ ὁ ἀπὸ Ἀριμαθαίας и Ναθαναὴλ ὁ ἀπὸ Κανὰ τῆς Γαλιλαίας в церковнославянском передаются по-разному: **і҆ѡ́сифъ, и҆́же ѿ а҆рїмаѳе́а** (Ин 19:38) и **нафана́илъ, и҆́же бѣ ѿ ка́ны галїле́йскїѧ** (Ин 21:2). Во втором случае перед нами полноценное придаточное предложение с глаголом-связкой, отсутствующим в греческом тексте. Еще один пример такой замены дает начало молитвы "Отче наш", где греческой конструкции с несогласованным определением Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς в церковнославянском соответствует конструкция с придаточным предложением **О҆́че на́шъ, и҆́же є҆сѝ на нбⷭ҇ѣхъ** (Мф 6:9). Интересно, что совершенно аналогичная замена наблюдается в латинской Вульгате (Pater noster, qui es in caelis) и в некоторых других переводах Библии (напр., Our Father which art in heaven в King James' Bible).

Точно так же можно трактовать церковнославянские конструкции с **и҆́же**, вводящим субстантивированное сочетание существительного (или местоимения) с предлогом, напр.: τὰ ἐπὶ γῆς ἐνώσας τοῖς οὐρανοῖς, ἀνελήφθης ἐν δόξῃ — **ѥ҆́же на земли̑ соедини́въ нбⷭ҇нымъ, вознеслсѧ є҆сѝ во сла́вѣ** (кондак Вознесения, ГСХ 69); καὶ γὰρ τὸ περὶ ἐμοῦ τέλος ἔχει — **и҆́бо ѥ҆́же ѡ҆ мнѣ̀, кончи́нꙋ и҆́мать** (Лк 22:37). По меньшей мере две такие конструкции в церковнославянском имеют уже устойчивый фразеологический характер. Это **и҆́же во ст҃ы́хъ** (греч. ὁ ἐν τοῖς ἁγίοις) и **и҆́же съ ни́мъ** (греч. οἱ σὺν αὐτῷ).

Реже встречаются случаи аналогичного употребления **и҆́же** с наречием, напр.: μηδὲ οἱ ἐκεῖθεν πρὸς ἡμᾶς διαπερῶσιν — **ни и҆̀же ѿтꙋ́дꙋ къ на́мъ прехо́дѧтъ** (Лк 16:26). Своеобразен пример Χαῖρε, τὸ φῶς ἀρρήτως γεννήσασα· χαῖρε, τὸ πῶς μηδένα διδάξασα (Просеух. 105) — **Ра́дꙋйсѧ, свѣ́тъ неизрече́ннѡ роди́вшаѧ: ра́дꙋйсѧ, ѥ҆́же ка́кѡ ни є҆ди́наго же**

наꙋчи́вшаѧ (Акафист Пресвятой Богородице, Ак. 42). Здесь субстантивируется, собственно, не наречие, а вводимое им эллиптическое выражение с опущенным ядром (то есть **е҆́же ка́кѡ роди́вшаѧ**).

Из согласуемых присубстантивных определений с **и҆́же**, соответствующим греческому артиклю, в церковнославянском употребляются лишь причастия, напр.: ἐγώ εἰμι ὁ ἄρτος ὁ ζῶν ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβάς — **а҆́зъ е҆́смь хлѣ́бъ живо́тный, и҆́же сше́дый съ нб҃се** (Ин 6:51). Причастия (причастные обороты) с **и҆́же** могут также субстантивироваться, ср.: οἱ τὰ χερουβὶμ μυστικῶς εἰκονίζοντες ... πᾶσαν τὴν βιοτικὴν ἀποθώμεθα μέριμναν — **и҆̀же херꙋві́мы та́йнѡ ѡ҆бразꙋ́юще ... всѧ́кое житє́йское ѿложи́мъ попече́нїе** (ГСХ 17). И в этих случаях можно было бы говорить об атрибутивных придаточных предложениях с нулевой связкой, однако такой интерпретации противоречат конструкции, в которых причастие, согласуясь с определяемым существительным, выступает не в именительном падеже. Целый ряд подобных примеров содержит текст Символа веры: **вѣ́рꙋю ... въ дх҃а ст҃го ... и҆́же ѿ ѻ҆ц҃а и҆сходѧ́щаго...** — греч. Πιστεύω ... εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον ... τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐκπορευόμενον (ГСХ 17—18) и т. д. Такое употребление указывает на переходное положение рассматриваемых конструкций между определениями и атрибутивными придаточными предложениями.

Иной характер имеют церковнославянские соответствия греческих конструкций с субстантивированным инфинитивом, которому в этом случае предшествует артикль среднего рода единственного числа τὸ. В церковнославянском последний закономерно передается формой **е҆́же**; в отличие от греческого артикля, она, однако, не изменяется по падежам (в частности и при присоединении предлога). Ср.: ἐν τῷ ἐγγίζειν ἐπ' ἐμὲ κακοῦντας τοῦ φαγεῖν τὰς σάρκας μου ... αὐτοὶ ἠσθένησαν καὶ ἔπεσαν — **внегда̀ приближа́тисѧ на мѧ̀ ѕлоѻ́бꙋющимъ е҆́же снѣ́сти плѡ́ти моѧ̑ ... тїи и҆знемого́ша и҆ падо́ша** (Пс 26:2); ἐπαλαιώθη τὰ ὀστᾶ μου ἀπὸ τοῦ κράζειν με ὅλην τὴν ἡμέραν — **ѡ҆ветша́ша кѡ́сти моѧ̑, ѿ е҆́же зва́ти ми ве́сь де́нь** (Пс 31:3); Κύριε ... εἰς τὸ βοηθῆσαί μοι πρόσχες — **гдⷭ҇и, во е҆́же помощѝ ми вонмѝ** (Пс 39:14) [но: Κύριε ... εἰς τὸ βοηθῆσαί μοι σπεῦσον — **гдⷭ҇и, помощѝ ми потщи́сѧ** (Пс. 69:2)]; ὑπὲρ τοῦ ἁγιασθῆναι τὸ ὕδωρ τοῦτο, τῇ δυνάμει, καὶ ἐνεργείᾳ, καὶ ἐπιφοτήσει τοῦ Ἁγίου Πνεύματος τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν (Εὐχ. 342) — **ѿ е҆́же ѡ҆ст҃и́тисѧ вода́мъ си̑мъ, си́лою и҆ дѣ́йствїемъ и҆ наи́тїемъ ст҃а́гѡ дх҃а, гдⷭ҇ꙋ помо́лимсѧ** (Тр. 237) [но: ὑπὲρ τοῦ ρυσθῆναι ἡμᾶς ἀπὸ πάσης θλίψεως, ὀργῆς καὶ ἀνάγκης, τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν — **ѿ и҆збавитисѧ на́мъ ѿ всѧ́кїѧ ско́рби, гнѣ́ва и҆ нꙋ́жды, гдⷭ҇ꙋ помо́лимсѧ** (ГСХ 20)].

В приведенных церковнославянских конструкциях **ѥ́же** и предложные сочетания с ним воспринимаются опять-таки скорее как союзные средства, служащие для присоединения инфинитивных придаточных предложений цели или, во втором случае, причины. Впрочем, встречаются также примеры, в которых **ѥ́же**, подобно греческому артиклю, имеет чисто субстантивирующую функцию, ср.: Ἐμοὶ γὰρ το ζῆν Χριστὸς καὶ τὸ ἀποθανεῖν κέρδος — **мнѣ́ бо ѥ́же жи́ти, хр҃то́съ, и҆ ѥ́же ᲂу҆мрѣ́ти, прїѡбрѣ́тенїе є҆́сть** (Флп 1:21). Следует, однако, отметить, что именно конструкции, соотносительные с придаточными предложениями цели, в особенности конструкции с **во ѥ́же**, "прижились" в церковнославянском языке настолько, что употребляются и в оригинальных текстах, напр.: **и҆спросѝ на́мъ ᲂу҆ хр҃та̀ бг҃а ᲂу҆твержде́нїе въ вѣ́рѣ, ѥ́же ходи́ти во всѣ́хъ за́повѣдѣхъ и҆ ѡ҆правда́нїихъ гдⷭ҇нихъ безпоро́чно** (Акафист свт. Алексию Московскому, Ак. 113); **да ... и҆́стиннома҆ покая́нїю наᲂу҆чи́тъ на́съ, во ѥ́же безпреткнове́ннѡ вни́ти на́мъ въ вѣ́чное нб҃ное цр҃ство** (Акафист прп. Серафиму Саровскому, Ак. 238); **во ѥ́же и҆зба́вити на́съ ѿ всѣ́хъ бѣ́дъ и҆ напа́стей** (Акафист Пресвятой Богородице в честь чудотворной иконы Ее Казанской, Ак. 80).

Особый случай представляет субстантивация предложения (или, шире, текста) либо его части при цитировании. В греческом такие цитаты вводит артикль среднего рода единственного числа τὸ, в церковнославянском — форма **ѥ́же**. Ср. примеры: Ἰησοῦς εἶπεν τὸ οὐ φονεύσεις, οὐ μοιχεύσεις... — **І҆и҃съ же речѐ: ѥ́же не ᲂу҆вїе́ши, не прелю́бы сотвори́ши...** (Мф 19:18); ἐνένευον δὲ τῷ πατρὶ αὐτοῦ τὸ τί ἂν θέλοι καλεῖσθαι αὐτό — **и҆ помава́хѹ ѻ҆тцѹ̀ є҆гѡ̀, ѥ́же ка́кѡ бы хотѣ́лъ нарещѝ є҆̀** (Лк 1:62); τὸ δὲ ἀνέβη τί ἐστιν, εἰ μὴ ὅτι καὶ κατέβη πρῶτον εἰς τὰ κατώτερα μέρη τῆς γῆς — **а҆ ѥ́же взы́де, что̀ є҆́сть, то́чїю ꙗ҆́кѡ и҆ сни́де пре́жде въ до́льнѣйшыѧ страны̀ земли̇̀** (Еф 4:9). Церковнославянское **ѥ́же** здесь выступает просто маркером цитирования, близким к частицам типа рус. *мол, дескать* и др.

Подводя итоги, можно констатировать, что, вопреки мнению Й. Курца, церковнославянские конструкции с **и҆́же**, соответствующим греческому артиклю, не копируют рабски греческую модель, а обнаруживают стремление адаптироваться к характерным для славянского синтаксиса структурам, в первую очередь к придаточным предложениям: атрибутивным, а также цели (причины). Будучи сугубо книжным средством, данные конструкции в церковнославянском подвергаются определенной стандартизации сообразно нормам письменного языка, однако сохраняемая ими при этом недифференцированность с точки зрения оппозиции **предложение : член предложения** (вполне естественная для конструкций

с артиклем в греческом с его аналитическими тенденциями) напоминает некоторые явления живого славянского синтаксиса, наблюдающиеся в частности в современном разговорном русском языке.

Так, аналогично анализируемым церковнославянским конструкциям, русские разговорные фразы типа *Одела кофту новую которую* (видоизмененный пример О. В. Кукушкиной [**2**, 49]) не тождественны ни простым предложениям типа *Она надела новую кофту*, ни сложноподчиненным типа *Она надела кофту, которая была новой*. Функцию местоимения в таких фразах О. В. Кукушкина определяет как **усилительно-идентифицирующую**; она, по мнению исследовательницы, могла быть исходной для славянского *jь при возникновении так называемых членных форм прилагательных. Подобным же образом толкует исконную функцию местоимения как в составе славянских членных прилагательных, так и в старославянских конструкциях с **иже**, соответствующим греческому артиклю, Й. Курц [**4**, **5**]. Необходимо, однако, подчеркнуть, что если в разговорном русском языке усилительно-идентифицирующее употребление лексемы *который* есть результат транспозиции явно первичной для нее функции относительного местоимения (признаками этого предстают ее абсолютно постпозитивное положение в именной группе и возможность согласования с определяемым существительным в падеже), то "вектор развития" **и҆́же** в рассматриваемых церковнославянских конструкциях направлен в противоположную сторону. Также и здесь **и҆́же** склонно вести себя как относительное местоимение, каковым эта лексема в остальном и является, или приобретает статус союза, части сложного союза либо маркера цитирования.

II

Динамика конструкций с **иже** (**и҆́же**) в качестве эквивалента греческого артикля, очерченная выше в синхронном плане для современного церковнославянского языка, но, как показывает материал Й. Курца, наметившаяся уже в старославянском, побуждает задаться вопросом: а не было ли такое употребление **иже** с самого начала итогом уподобления относительному (или еше указательному с частицей **же**) местоимению какого-либо иного средства, которое мог предоставить в распоряжение первых славянских книжников, стремившихся адекватно и в равной степени "стандартно" передать строгие синтаксические структуры греческих оригиналов, живой славянский синтаксис? Попробуем прояснить это, обратившись к раннему — XI в. — "церковнославянско-паннонскому" (то есть, условно говоря, древнесловенскому со старославянской основой)

памятнику: к так называемым Фрейзингенским отрывкам. Данные этого источника, по содержанию представляющего собой исповедную формулу, тем интереснее, что некоторые его фрагменты находят достаточно точные параллели в одном из "канонических" старославянских памятников — в Синайском требнике.

В тексте Фрейзингенских отрывков часты конструкции, аналогичные старо- и церковнославянским с **иже** (**ѝже**), корреспондирующим с греческим артиклем, которые, однако, открывает слово, записываемое средствами латинской графики как **eſe**. Составители словаря к новейшему научно-критическому изданию памятника [3] усматривают за написанием **eſe** три омонима: а) форму вин. п. мн. ч. м. р. относительного местоимения **iže**, в графике памятника — **iſe**, соответствующую ст.-сл. **ѩже** (tebe ze mil tuoriv• od• zih poſtenih greh• I• odi neh mnozeh... Eſe iezem ztvoril 'каюсь Тебе в перечисленных сих грехах и во многих других, которые я совершил' I, 21 —23); б) форму им.-вин. п. ед. ч. ср. р. того же местоимения, соответствующую ст.-сл. **єже** (primete vuecſne vuezelie... Eſev<i> iezt• ugotoulieno 'примите вечную радость, которая вам уготована' I, 33—35; igeſtze ... vzacomu zuoimi vzti izuoim glagolom izbovuedati Eſege naſem ſzuete chiſto ſtuoril libobodi dobrolibolizi zlo 'и предстоит ... всякому своими устами и своими словами исповедать [то], что на этом свете каждый совершил, добро или зло' II, 75—82); в) союз, который также ставится в соответствие со ст.-сл. **єже**, в нормализованной записи авторов словаря — **ꙗже** (moſete potomu zinzi uvideti... eſebeſe priuuae zlouuezi Uliza tazie acoſe imuigezim 'потому, чада, вы можете видеть, что прежде люди были в своем обличии таковы же, как и мы' II, 27—32 и др.). Следует отметить, однако, что в случаях бесспорного употребления форм относительного местоимения **iže**, кроме форм на **i-**, писцы Фрейзингенских отрывков имели тенденцию обозначать начальный **j** перед гласным: ср. вин. п. ед. ч. ж. р. izio prio imeti iuſegesim bovvedal 'и тот суд принять, о котором я сказал' (II, 87—88); вин. п. мн. ч. ср. р. tage dela naſnem delati iaſeoni delaſe 'те же деяния станем совершать, какие и они совершали' (II, 42 —44); вин. п. мн. ч. м. р. ztemi ieſe vzo vueſ tvoimi vzti ' с теми, которых Ты призываешь своими устами' (I, 32 —33) и т. д. Явные отступления от этой тенденции единичны. В контексте ili eſe mizetomu• chotelo• emuſe mibi• ne doztalo• choteti 'или [в том,] что мне того хотелось, чего бы мне не подобало хотеть' (I, 16 —17) речь может идти о влиянии первого **eſe**. Необычно также написание Igezm bratria bozuuani ib<o>b<e>geni Egoſenemoſem niki<m> ſeliza niucriti... 'и мы, братья, призваны и приглашены — и от Его лика ни за кем не можем укрыться' (II, 68 —71); впрочем, в данном случае форма род. п. ед. ч. м. р. Egoſe

выполняет функцию не относительного, но лично-притяжательного местоимения. Что же до форм **eſe** в примерах, включенных лексикографами Фрейзингенских отрывков в статью **iſe**, то они при ближайшем рассмотрении оказываются вполне аналогичны примерам с **eſe**-"союзом".

Сравнение первых и вторых показывает, что вводимые при помощи **eſe** единицы (предложения, словосочетания, отдельные словоформы) в тексте Фрейзингенских отрывков с легкостью трансформируются друг в друга, причем само **eſe** остается как будто не затронутым этими трансформациями. Проанализируем следующие контексты: 1. Bogu uze mogokemu• izpouuede uze moie greche• Iſ<an>cte marie• Uzeh nepraudnih del• inepraudnega pomiſlen<i>a• Eſe iezem uuede ztuoril• ili neuuede• nudmi ili lubmi zpe ili bde• Uzpitnih rotah• Vliſnih reſih• vtatbinah• Uznociſtvę• Ulacomztue• Vlichogeden<i>• Vlichopiti• Uuzmaztue• Iuuzemlichodiani• Eſe iezem ztuoril p<ro>tiuuo bogu 'Богу всемогушему исповедаю все мои грехи, и святой Марии, всех неправедных дел и неправедного помышления, что /= которые, то есть грехи?/ я совершил, ведая или не ведая, вынужденно или добровольно, спя или бодрствуя, клятвопреступлениями, лживыми словами, кражами, распутством, жадностью, чревоугодием, чрезмерным питием, скверною и всяческой неумеренностью, что /= которые?/ я совершил против Бога' (III, 25 —39); 2. Boſe miloztiuvi• primi moiv• izpovued• moih grechou Eſe iezem ztuoril zla... Eſe pomngu• ili ne pomngu• Ili vuolu• ili ne vuolu• Ili vuede• ili ne vuede• Ili une praudnei rote• ili ulſi• Ili tatbe• ili zavuizti• ili v uzmazi• Ili vziniſtue• ili eſe mizetomu• chotelo• emuſe mibi• ne doztalo• choteti• Ili vpoglagolani• ili zpe• ili nezpe• Ili eſe iezem• ne zpazal• nedela• ni zueta vuecera• ni mega pozta• I• inoga• mnogoga• eſe protiubogu• iprotiu memu creztu 'Боже милостивый, прими мою исповедь [= исповедание] моих грехов, [в том,] что /= сколько?/ я совершил дурного... что /= которые, то есть грехи?/ я помню или не помню, [что / которые я совершил] вольно или невольно, ведая или не ведая, неправедной клятвой или ложью, или завистью, или скверной, или распутством, или [в том,] что мне того хотелось, чего бы мне не подобало хотеть, или словами, спя или бодрствуя, или [в том,] что я не соблюдал праздничного дня, святого вечера и поста, и [исповедание] многого иного, что [я совершил] против Бога и против моей христианской веры' (I, 10 — 20); 3. Ozſtanem zich mirzcih del Eſe ſunt dela ſotonina Eſetrebu tuorim bratra Oclevuetam Eſe tatua Eſeraſzboi Eſepulti ugongenige Eſeroti Choiſe Ih nepazem nuge prestopam Eſene nauuizt 'откажемся от сих мерзких дел, что /= которые/ сатанинские суть дела, что /= когда/ мы жертвы приносим, на брата клевещем, что [есть] кража, что разбой, что угождение плоти, что клятвы, которых мы не блюдем, но их нарушаем, что ненависть' (II, 17 —25).

Из примеров видно, что синтаксис памятника — свободный: поступательное развертывание все расширяющихся фраз осуществляется здесь путем "нанизывания" новых и новых элементов, причем отнюдь не всегда линейно, а очень часто с возвращением к далеко отстоящим членам предложения, распространявшегося до того в другом направлении. Уже в силу этой дискретности текста так "нанизываемые" элементы объединяются с распространяемыми словами на основе скорее смысловой, нежели формально-синтаксической связи и оказываются по отношению к ним достаточно автономными. Отсюда и значительный диапазон варьирования синтаксической структуры данных единиц. Так, при помощи **eſe** в одних случаях вводится предложение, нередко весьма разветвленное, в иных — именной член либо именная группа с предлогом или без предлога; подчас же конструкция содержит длинную последовательность тех и других, что особенно отчетливо указывает на условность и соответственно проницаемость границ между предложениями и "непредложениями" в таком тексте. Действительно, в первом примере предложное сочетание p<ro>tiuuo bogu выступает в составе предложения с глаголом iezem ztuoril, присоединяемого при помощи **eſe**, а во втором подобное же сочетание с **eſe** может интерпретироваться как несогласованное определение субстантивированного выражения inoga mnogoga, однако падежная форма последнего отсылает к удаленному от всей этой группы контексту с тем же глаголом (moih grechou Eſe iezem ztuoril zla). Продолжением этого контекста является и ряд именных форм Ili vuolu• ili ne vuolu• Ili vuede• ili ne vuede• Ili une praudnei rote• ili ulſi..., который, однако, присоединен к самостоятельному предложению Eſe pomngu• ili ne pomngu и дважды прерывается отдельными предикативными единицами (в первом примере аналогичный ряд образует целостный комплекс с глагольной формой: Eſe iezem uuede ztuoril• ili neuuede... Uzpitnih rotah• Vliſnih reſih...).

В третьем примере примечательны конструкции (zich mirzcih del) Eſe tatua Eſeraſzboi..., показывающие, что функцию атрибутивного элемента со скрытой предикативностью могла выполнять сама по себе форма именительного падежа существительного. Факультативность глагола-связки (ср. форму ſunt в предыдущем предложении, глагольный "импульс" которого мог распространяться на весь последующий контекст) — как известно, характерная черта синтаксического строя древних славянских языков — хорошо согласуется с имплицитной дистантной соотнесенностью именных членов с опорной личной формой глагола во втором примере. Особенно интересна конструкция Eſeroti Choiſe Ih nepazem nuge prestopam, которая отражает типичное для раннего этапа развития славянского синтаксиса расчлененное представление сложного

понятия, направленное от предмета к признаку. В написании Choiſe Ih многие исследователи, начиная с Е. Копитара (1836), усматривают ошибку, предлагая "исправное" прочтение Choihſe (= ст.-сл. **кыихъ же**). Едва ли такая нормализация оправданна. В рассматриваемой конструкции существительное roti определяют два признака, выраженные автономными предикативными единицами, в составе которых к нему закономерно отсылают местоименные формы Ih и ge; связующее же слово к способу выражения этих признаков может быть безразлично. Не исключено, что в данном случае мы наблюдаем зарождение употребительного в современном словенском языке неизменяемого относительного местоимения ki, которое требует замещения позиции объекта в атрибутивном придаточном предложении личным местоимением (ср. перевод соответствующего места из Фрейзингенских отрывков на словенский: prisege, ki jih ne spoštujemo, temveč jih prestopamo).

Из тех же соображений, по нашему убеждению, целесообразно исходить при истолковании формы **eſe**. О том, насколько неплодотворно приписывать этому слову разные синтаксические функции во вводимых им элементах текста, красноречиво свидетельствует сравнение некоторых извлечений, собранных авторами цитированного словаря Фрейзингенских отрывков в статье **iſe**. Так, неясно, почему **eſe** в контексте od• zih poſtenih greh• I odi neh mnozeh... Eſe iezem ztvoril (I, 22—23) квалифицируется как форма вин. п. мн. ч. м. р., а, например, в контексте izpovuede uze moie greche... Uzeh nepraudnih del... Eſe iezem uuede ztuoril... (III, 26—31) — как форма вин. п. ед. ч. ср. р. относительного местоимения: ведь последний явственно отличается от контекста izbovuedati Eſege naſemſzuete chiſto ſtuoril libobodi dobrolibolizi zlo (II, 79—82), он же в свою очередь не совпадает с контекстом izpovued• moih grechou• Eſe iezem ztuoril zla... (I, 11—12), хотя интерпретация **eſe** в этих трех случаях в словаре одинакова. Особенно показателен помещенный в одном ряду с ними пример toiemoſim ztoriti eſeoni to vuelico ſtraſtiu ſtuoriſe 'мы то же можем совершить, что и они с великими муками совершили' (II, 106—108), где **eſe** заведомо не является формой вин. п. ед. ч. ср. р. относительного местоимения в функции прямого объекта глагола ſtuoriſe, так как эта позиция занята указательным местоимением to. Данный случай весьма напоминает конструкцию roti Choiſe Ih nepazem nuge prestopam.

Отождествлять **eſe** с формами относительного местоимения побуждает "диктат" старославянских конструкций с **иже**. Однако и в старославянском языке статус этого средства далеко не столь однозначен. Приведем для сравнения некоторые параллели соответствующих мест Фрейзингенских отрывков в старославянском Синайском требнике: 1. **исповѣдаѭ**

сѧ пръвое бо҃ѹ в҃седръжителю• і тебѣ оч҃е• в҃сѣхъ бещислъныхъ моихъ грѣхъ• ꙗже съвѣды• і не разоѹмѣꙗ съгрѣшихъ... съпѧ• ли бьдѧ• лихоѩ ѣдиѩ• і пиѣнъствомь... присно въпадаꙗ въ блѫды• і прѣлюбодѣаниѣ• въ разбоꙗ... въ татьбы... въ присѧгы неправедъны... в҃сего того• отърицаѩ сѧ• ıхъже не помьниѩ• і ѣже съвѣды• і ıхъже не съвѣды• ѣже сътворихъ волеѩ• ли не волеѩ... не могѫ бо таити• ıхъже присно зьритъ• не могѫ оѹтаити• ѣже отъкрыти ıматъ• съвѣстнаа моѣ и не съвѣстнаа (68a13—69b16); 2. гі҃ бже в҃семогъи• тебѣ бѫдѫ азъ исповѣденъ• в҃сѣхъ моихъ грѣхъ• і моего лиха сътворениѣ сего• еже колиждо изгл҃ахъ• и лихо сътворихъ• і лихо мыслихъ• гл҃омь ли дѣломь• ли помышлениемь• в҃сего еже азъ помьниѩ• любо не помьниѩ• ѣже азъ съвѣды съгрѣшихъ• любо не съвѣды• нѫждеѩ любо не нѫждеѩ• съпѧ ли бьдѧ• лихоклѧтвы• і лъжѧ• въ помышленьи неправедьнѣ• поѹстоши і блѧди• ѣкоже азъ колиждо сътворихъ• і в҃сѣ из лиха (72a 5—18).

В приведенных примерах конструкции рассматриваемого типа вводятся:

а) один раз — формой вин. п. мн. ч. м. р. относительного местоимения **ꙗже**;

б) четыре раза — формой вин. (=им.) п. мн. ч. ср. р. этого же местоимения **ꙗже** (в глаголице, транслитерируемой средствами кириллицы, — **ѣже**) с обобщенно-собирательным значением;

в) три раза, при отрицании и при глаголе **зьрѣти**, формой род. п. мн. ч. (ср. р.) этого местоимения **ıхъже** с тем же значением;

г) два раза — по-видимому, формой вин. п. ед. ч. этого местоимения **еже**.

Впрочем, в ряде случаев интерпретация этих форм, основанная на формальных признаках, не вполне согласуется с контекстом. Так, при сравнении конструкции с **ꙗже** в первом примере и конструкции с **ѣже** во втором оказывается, что они отличаются не только родом местоимений, отсылающих к разным словам (во втором случае **ѣже** и **в҃сего** соотносятся в числе по смыслу), но и неопределенным статусом **ѣже** в составе вводимой им предикативной единицы. Если **ѣже** здесь — форма вин. п. мн. ч. ср. р. в функции прямого объекта глагола **съгрѣшихъ**, подобно **ꙗже** в первом примере, то как данная синтагма связана с формами **лихоклѧтвы** и **лъжѧ**? Это могут быть формы им. п. мн. ч., что правдоподобно (перевод: 'в чем я согрешил, ведая или не ведая... [что суть] грехи клятвопреступления и лжи'; ср. конструкцию E⌠e tatua E⌠era⌡zboi... во Фрейзингенских отрывках), или вин. п. мн. ч., занимающие позицию прямого объекта глагола **съгрѣшихъ** (перевод: 'что я совершил... грехи клятвопреступления и лжи'); в обоих случаях, однако, **ѣже** предстает просто связующим словом, которое "внепадежно". Тем более это следует признать для **еже** в кон-

струкции, с которой начинается второе извлечение. Это **єже** не может относиться к существительному /**лиха**/ **сътворение** (бессмысленно 'злодейство, которое я когда-либо изрек и зло содеял...'); скорее оно аналогично союзу в конструкции **ѣкоже азъ колиждо сътворихъ**.

Пример с **ѣже** демонстрирует стремление связующего слова рассматриваемых конструкций в старославянском к формальному уподоблению относительному местоимению при невозможности его полного функционального уподобления таковому. Первоначальный же облик этого слова отражают, с нашей точки зрения, как раз контексты с "неместоименным" по функции несогласуемым **єже** в старославянских памятниках и с **e⌠e** во Фрейзингенских отрывках.

Как было отмечено выше, писцы Фрейзингенских отрывков, по-видимому, отличали такое **e⌠e** от созвучных форм относительного местоимения, которые обычно записывались с начальным **i-**. В старославянском языке это различие не прослеживается. Графическая передача несогласуемого связующего элемента в анализируемых конструкциях и формы им.-вин. п. ед. ч. ср. р. относительного местоимения всегда идентична: это **єже** либо (в единственном кириллическом памятнике — Супрасльской рукописи) **ѥже**. Ввиду одинакового написания в неизменяемом **єже** (**ѥже**), как правило, и усматривают "застывшую" форму им.-вин. п. ед. ч. ср. р. относительного местоимения; между тем речь может идти также об устойчивом уподоблении ей.

Из соответствий старославянского неизменяемого **єже** (**ѥже**) и **e⌠e** (не **ie⌠e**!) Фрейзингенских отрывков в остальных славянских языках заслуживает внимания древнечешское **ež**, которое могло выступать и как изъяснительный союз, и в функции междометия. Последняя подтверждается несколькими примерами из переводных — в основном библейских — текстов, где при помощи **ež** (в древнечешской графике **ez**) передается большей частью лат. ecce. На основании такого употребления Ф. Травничек [7, 56] утверждал, что и союз **ež** междометного происхождения (из междометия **e**, усиленного частицей **ž/e/**). Рассматривая это толкование на фоне соотносительных инославянских фактов, включая старославянское **єже** (**ѥже**), Ф. Копечный в "Этимологическом словаре славянских языков" писал: "Остается открытым вопрос, развивался ли изъяснительный союз из **eže/ježe** местоименного или еще междометного... Открыт и вопрос о том, объясняются ли колебания начального **e-/je-** условиями сандхи — или их следует понимать скорее как рефлекс давнего различения междометного элемента **e-** и местоименного элемента **je-**... В любом случае эти колебания носят нерегулярный характер: напр., в ст.-сл. (и др.-рус.) чаще отмечается **ježe**, чем **eže**; напротив, в др.-чеш. **ež** чаще, чем **jež**, а в др.-пол. обычно **eż/e/**, изредка

с протетическим **h-**, и лишь в виде исключения **jež**. Даже если предполагать двоякое происхождение, междометная и местоименная формы очень рано совпали." [4, 292]

Наш анализ, однако, показывает, что в системе живого славянского синтаксиса, какую в частности отражают Фрейзингенские отрывки (а также древнейшие памятники западнославянских языков, да и древнерусского, в котором с XI в. засвидетельствовано собственно восточнославянское **ѫже** < **eže**), могло довольно долго сохраняться архаичное состояние. Стремление к уподоблению неизменяемого — восходящего к междометию? — связующего слова формам относительного местоимения раньше и в большей мере проявилось лишь в рамках "строгого" книжного синтаксиса старославянского языка. При этом на функциональном уровне данная тенденция продолжает проявляться и в церковнославянском.

Примечание

[1] Церковнославянский текст Священного Писания цитируется по так называемой Елисаветинской библии 1751 г. (любое издание).

Греческий текст Нового Завета цитируется по изданию: Nestle E., Aland K. Novum Testamentum graece et latine. Editio 27. Stuttgart, 1994.

Греческий текст Ветхого Завета цитируется по изданию: Septuaginta. Edidit A. Rahlfs. Stuttgart, 1979.

При цитировании греческого текста Библии выбирается вариант, максимально близкий церковнославянскому чтению.

Другие церковнославянские тексты (в унифицированной церковнославянской графике) цитируются с указанием страницы издания по следующим источникам:

Ак.: Акафистник. Ч. I. М., 1992.

ГСХ: Греко-славянская хрестоматия. СПб., 1893. (Репринт: М., 1996).

Окт.: Октоих. Ч. 2. М., 1981.

Тр.: Требник. М., 1991.

Греческие соответствия текстов *Тр.* и *Ак.* даются по изданиям:

Εὐχ.: Εὐχολόγιον τὸ μεγα. Βενέτια, 1862.

Προσευχ.: Προσευχητάριον κεχαριτωμένης. Τροιζήνα, 1997.

Литература

[1] *Алипий (Гаманович).* Грамматика церковнославянского языка. М., 1991.

[2] *Кукушкина О. В.* К вопросу о возникновении славянских членных форм прилагательных и перфективирующей функции глагольных приставок // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 47—65.

[3] Brižinski spomeniki. Znanstvenokritična izdaja. Ljubljana, 1993.

[4] Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 2. Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia. Praha, 1980.

[5] *Kurz J.* K problematice funkční geneze a původního významu slovanských složených adjektiv // Kurz J. Kapitoly ze syntaxe a morfologie staroslověnského jazyka. Praha, 1972. S. 33—41.

[6] *Kurz J.* Syntax 'členového' **iže** v staroslověnském jazyce // Kurz J. Kapitoly ze syntaxe a morfologie staroslověnského jazyka. Praha, 1972. S. 80—86.

[7] *Trávniček F.* Historická mluvnice česká. III. Skladba. Praha, 1956.